

А

Александр Иванович Куприн

Каприз

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Худ. литература, 1971. Том 2 С. 164 - 173.

Огромный двухсветный актовый зал университета, казалось, утопал в целом море огня, который яркими потоками бросали три газовые люстры, увешанные свер-кающими хрустальными призмочками, и десятки четырехлапых бра, горевших в простенках между окнами и дверями. В одном конце зала возвышалась просторная эстрада, красиво замаскированная флагами и густой стеной живых растений... На эстраде блеснул свежим лаком концертный рояль с поднятой вверх крышкой...

По-видимому, не оставалось более ни одного свободного места, но все новые и новые волны зрителей беспрерывно врывались из входных дверей. Глядя на тех, которые уже сидели, чувствовалось, что взгляд теряется в этом волнующемся море голов, лысин, причесок, черных фраков, мундиров, светлых дамских платьев, медленно движущихся вееров, тонких рук в белых длинных перчатках, плавных жестов и кокетливых, праздничных женских улыбок.

На эстраду взобрался и уверенно, почти гордо, подошел к ее краю красивый певец. Он был во фраке с широким вырезом и с красной гардений в петличке. Следом за ним, тенью, незаметно, очутился на своем месте аккомпаниатор, у которого длинные, прямые и жидкие волосы падали на оба плеча.

Зал затих.

Несколько особенно франтоватых студентов, которых можно было бы по бантикам на груди признать за распорядителей вечера, нетерпеливо толпились в холодной швейцарской между вешалками, загроможденными верхней одеждой,-- они ожидали приезда Генриетты Дюкруа, примадонны парижской Оперы, гост-ролировавшей в городе весь зимний сезон. Хотя знаменитая певица и приняла с очаровательной любезностью депутацию от молодежи и уверяла, что сочтет за большую честь для себя пропеть на студенческом вечере, однако начиналось уже третье отделение, в котором именно и должна была участвовать дива, а она до сих пор еще не приезжала.

"Неужели надула?" -- мелькала тревожная, но невысказываемая мысль в умах озябших распорядителей, и они то и дело, один за другим, подбегали к окнам и, прижимаясь лицами к стеклу, напряженно вглядывались в темноту зимней ночи. Дюкруа, назначавшая в дни своих представлений безумные цены на места, была без сомнения, гвоздем вечера, главной приманкой для большинства приехавшей публики...

На улице послышался грохот подъезжающего экипажа, и мимо окон в одно мгновение мелькнули два больших ярких фонаря. Распорядители быстро кинулись к дверям, волнуясь и оттесняя друг друга.

Действительно, это была Дюкруа. Она впорхнула в швейцарскую, улыбаясь студентам и указывая рукой на свое горло, укутанное в тысячные соболя. Этот жест означал, что она охотно объяснила бы уважительную причину своей неаккуратности, но боится говорить в нетопленной комнате.

Так как Дюкруа давно пропустила свой номер и разочарованная публика уже перестала ее ожидать, то внезапное появление ее на эстраде вышло великолепным сюрпризом. Несколько сотен молодых глоток и вдвое большее количество здоровых ладоней устроили ей такую долгую и оглушительную встречу, что даже и она, привыкшая быть повсюду кумиром публики, почувствовала в душе приятное щекотание лести... Она стояла у края эстрады, слегка наклонившись всем телом вперед и обводя ряды зрителей своими большими, черными, смеющимися глазами. На ней было шелковое глянцевитое платье, корсаж которого держался на плечах при помощи узеньких ленточек. Прекрасные обнаженные руки, низко открытая высокая грудь и длинная, круглая, гордая шея казались выточенными из какого-то теплого, бархатного мрамора.

Несколько раз буря аплодисментов утихала, но едва только Дюкруа подходила к роялю, как новый взрыв восторга заставлял ее возвращаться к краю эстрады. На-конец, она со своей очаровательной улыбкой сделала руками просительный жест, указывая на рояль. Крики постепенно стихли, но весь зал продолжал глядеть на нее влюбленными глазами. И среди полнейшей, но живой, внимательной тишины она запела один из романсов Сен-Санса.

Алексей Сумилов, студент-медик II курса, стоял, прислонившись к боковой колонне, и слушал с закрытыми глазами пение, нежно и властно раздававшееся с эстрады. Он любил музыку какой-то удивительной, болезненно-страстной любовью, ощущая ее не только ушами, но всем телом, всеми нервами, всей своею душой... И теперь каждый звук чудного голоса проникал в самую глубь его существа и отзывался там такой сладкой дрожью, что Алексею мгновениями казалось, будто эти звуки раздаются в его собственной груди.

Когда восторженный рев толпы подымался после каждого оконченного романса, Алексей

А